

Слова», въ двухъ кіевскихъ театрахъ «Живой труппъ» идетъ въ тотъ же вечеръ, что и въ московскомъ Художественномъ театрѣ. Какъ могло это случиться, по какому экземпляру пьесы кіевляне готовили свои спектакли? Очевидно, рукопись, какъ-то добыта, путями, нужно сказать опредѣленно, незаконными. И можно только глубоко пожалѣть, что кіевскіе театры пошли на такой путь, такъ поддались желанію поскорѣе использовать пьесу. Вѣдь, будь это—не Толстой, ни одинъ театръ не позволилъ себѣ добывать какими-то окольными путями авторскую рукопись, ставить пьесу безъ надлежащаго разрѣшенія. Да, сго, кромѣ моральной, пугала бы еще и иная отвѣтственность. Почему же относительно Толстого можно то, что не считается допустимымъ по отношенію ни къ какому другому? Только потому, что его наслѣдница отказывается отъ авторскихъ правъ? Только потому, что съ 23-го сентября каждый можетъ свободно и безвозмездно играть «Труппъ»? Конечно, никто не будетъ начинать никакихъ преслѣдованій, никого не привлечетъ ни къ какому отвѣту и не станетъ разслѣдовать, какъ получили такіе-то театры экземпляръ пьесы. И кіевскіе театры это отлично знали. Но какъ будто оттого еще меньше оснований поступать такъ, какъ было поступлено въ данномъ случаѣ...

Вернемся немного къ открывающемуся театру. Его прошлый тринадцатый сезонъ былъ богатъ печальями. Театръ на весь почти сезонъ былъ лишёнъ ссудничества лучшаго своего представителя, того, кого не разъ съ полнымъ правомъ звали «душою театра»,—К. С. Станиславскаго. Онъ не участвовалъ въ сезонѣ, какъ режиссеръ, онъ почти не участвовалъ и какъ актеръ. И эта незадача—не одна. Театръ понесъ въ тотъ сезонъ крупныя, печальныя потери, смерть вырвала изъ его труппы нѣкоторыя отличныя силы. Были больны другіе. Все время что-то тяжелое висѣло надъ театромъ. Отъ всей души желаемъ, чтобы сезонъ минувшій унесъ съ собою все это тяжелое, чтобы сегодня начинающійся четырнадцатый сезонъ въ этомъ отношеніи былъ совершенно противоположностью сезону тринадцатому, чтобы легко и радостно жить этотъ прекрасный театръ и въ бодрыхъ, неомрачающихся настроеніяхъ дѣлалъ свое большое художественное дѣло. Та атмосфера любви и серьезнаго вниманія, которымъ окруженъ Художественный театръ, поможетъ ему идти по своему пути смѣлыхъ исканій высшей художественной правды и красоты.

И еще пожелаемъ, чтобы сегодняшній спектакль со всею убѣдительностью и блескомъ доказалъ, что не было ошибки художественной въ томъ, что этому театру было довѣрено первое спеническое осуществленіе поэтическихъ замысловъ великаго Толстого. То, что говорятъ на основаніи двухъ публичныхъ генеральныхъ репетицій, позволяетъ думать, что это наше желаніе сбудется. Театръ не словомъ, но дѣломъ, самымъ спектаклемъ, докажетъ, какъ неправы были тѣ, которые говорили, что тутъ сыграла роль какая-то «протекція», а не вниманіе къ заслугамъ Художественнаго театра. Вѣроятно, будутъ противъ спектакля сдѣланы многія возраженія,—противъ отдѣльныхъ его частей. Кто можетъ претендовать на идеальное совершенство, и кто можетъ мечтать, что удовлетворить всѣхъ? Но что пьеса Льва Толстого была въ вѣрныхъ рукахъ, это, думаемъ, будетъ дружно признано московскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Театраль.